

Новые известия. — 2003 — 20 февр. — с. 6

Романтик и его Вечность

Михаил Плетнев подтвердил статус «первого среди виртуозов»

Ярослав СЕДОВ,
для «Новых Известий»

Среди наших музыкантов трудно найти более замкнутого, избегающего рекламы и светских тусовок человека, чем пианист Михаил Плетнев. Однако его обычные выступления вызывают не меньший ажиотаж, чем суперфестивали и вручения модных премий. Нынешняя программа, составленная из пьес Чайковского и Грига, не стала исключением: задолго до концерта распроданные билеты, давка у входа, VIP-персоны, чьи «Мерседесы» блокируют подъезды к консерватории, студенты, заполняющие проходы меж рядов амфитеатра. А после — длящиеся до конца сезона споры, как была сыграна та или иная нота.

Дело, конечно, не в том, что Плетнев руководит одним из лучших российских оркестров, который неумоимо привлекает к себе внимание то яркими проектами, то громкими скандалами. Плетнев-пианист предлагает действительно новое фортепианное искусство, резко отличающееся от деятельности коллег. Сейчас большинство наших лучших молодых пианистов редко утруждают себя стилистическими изысками и поисками интересных трактовок. Как правило, они играют победительно-мощно, щеголяют великолепной выучкой и выглядят наследниками пафосных советских

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

традиций, давно вышедших из моды.

Плетнев же захватывает необычным подходом к музыке, чем-то напоминающим моделирование. В каждой пьесе он будто показывает набор возможных исполнительских решений в пределах заданных правил. При этом произведение не только не лиша-

ется формы, но, напротив, обнаруживает свою несущую конструкцию. Плетнев не стремится в следующий раз сыграть иначе, чем в предыдущий, или добиться непривычного звучания. Главное для него — завершенность концепции, всегда зрелой и продуманной, которой подчинены его виртуозная техника и выбор произведений.

Например, после помпезного сумбурного фестиваля в честь 100-летия Большого зала Московской консерватории Плетнев представил небольшую, но весьма поучительную программу. Он сыграл сочинения Танеева — одного из столпов московской музыкальной школы, а также его учеников — Скрябина и Рахманинова, пред-

ставляющих диаметрально противоположные музыкальные направления. Публика получила возможность поразмышлять, как мастерски в былые времена умели распознавать и воспитывать несхожие таланты, а заодно и о том, как умно и неофициозно можно почтить солидную дату.

На этот раз Плетнев сопоставил монументальную Большую сонату Чайковского с его же пьесами и стилистически близкими им фортепианными миниатюрами Грига. Получилось исследование музыкального романтизма: соната Чайковского навеяна музыкой самых ярких его представителей — Шумана и Шопена, авторов труднейших фортепианных произведений. А его мелодичные «Элегическая песнь», «Приглашение к трепаку» и Ноктюрн — что-то вроде прощальных записок: Чайковский сочинил их почти перед смертью.

Плетнев не стал акцентировать эмоции, с которыми обычно ассоциируются романтические образы. В Большой сонате он применил давно найденный эффект многокрасочного «оркестрового» звучания рояля, подчеркнув, что эта сорокаминутная пьеса напоминает симфонию. А в пьесах придерживался аскетичного стиля, не позволяющего сказать, что каждая нота «проживает свою жизнь», как отзывались о манере Владимира Горовица. Лирический

герой Плетнева, скорее, напоминал андерсеновского Кая, складывающего из льдинок слово «вечность».

Такое исполнение можно называть романтическим в том смысле, что его качества — лаконичность, скрытые воля и темперамент, строгая логика и непредсказуемость акцентов — это и свойства характера музыканта. Но у Плетнева бывают выступления, когда он, кроме демонстрации этих качеств, создает необычное, пугающе объемное звуковое пространство, порождающее неожиданные музыкальные открытия. Когда кажется, что звучание складывается из голосов нескольких инструментов, отстоящих далеко друг от друга. А безупречно цельные композиции возникают в результате мастерски проведенных Плетневым комбинаций.

Несколько лет назад пианист сыграл в такой манере Первый концерт Бетховена, создав сильнейший романтический образ персонажа, чьи эмоции не уместаются в пределах предложенного музыкального рисунка и требуют новой, еще не сочиненной пьесы. В нынешнем концерте такого соприкосновения с неведомым музыкальным пространством не произошло. Плетнев, как написали бы рецензенты времен Чайковского, лишь «подтвердил, что по-прежнему является первым среди современных виртуозов».

Плетнев и романтики

20.02.03.